

УДК 821.161.1

Л.К. ОЛЯНДЭР,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки (г. Луцк)*

«ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК» ИВАНА БУНИНА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ О.В. БОГДАНОВОЙ, ИХ СТИМУЛИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ, ИНТЕНЦИИ

В статье раскрыты концептуальные подходы О. Богдановой к рассказу И. Бунина «Чистый понедельник» в «Современном взгляде на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017), определена их стимулирующая креативность реципиента роль, что рассматривается в контексте современного белорусского, польского, русского и украинского литературоведения. Охарактеризованы некоторые интенции, возникшие в ходе мысленного «диалога» с автором монографии. Внимание сосредоточено на новаторских положениях О. Богдановой, рассматривающей конфликт в бунинском **рассказе как столкновение различных ментальных хронотопов двух людей**, встретившихся на разных стадиях своего духовного развития. Проанализирована семантическая структура бунинского (мини) цикла, состоящего из трех входящих в монографию *статей / глав*, четко обозначенных *заглавиями / кодами*, которые акцентируют ключевые моменты хронотопа, позволяющие проникнуть в суть основной идеи, связывающей четыре (квази)фрагментарных текста в целостность. Прослежена закономерность взятия за гипертекст рассказа «Чистый понедельник» и трактата-эссе «Освобождение Толстого», что позволило исследовательнице обнаружить и осветить новые ракурсы видения волнующей И. Бунина философской проблематики.

Подчеркивается закономерность вывода О. Богдановой, поученного в результате разработки магистральной темы: И. Бунин – А. Пушкин: у Бунина выделяются «не пушкинский и тургеневский герои, а пушкинский и толстовский».

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, конфликт, наррация, темпоральная структура, темпоральная логика, хронотоп.

Мысли о мыслях, переживание переживаний,
слова о словах, тексты о текстах.
Михаил Бахтин. Проблема текста

Как будто прощаюсь снова
С тем, с чем давно простилась,
Как будто перекрестилась
И под темные своды схожу.
Анна Ахматова. Поэма без героя

«Совершенный, монахи, не живет в довольстве. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайший Будда. Отверзите уши ваши: освобождение от смерти найдено».

И вот и Толстой говорит об «освобождении»:

– Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них...

В этих словах, еще никем никогда не отмеченных, главное указание к пониманию его всего.

Астапово – завершение «освобождения», которым была вся его жизнь, не взирая на всю великую силу «подчинения».

Иван Бунин. Освобождение Толстого

За действиями и обликом героев «Чистого понедельника» мы безошибочно угадываем на протяжении всех четырнадцати страниц рассказа присутствие чего-то более существенного, что тонко, с изумительным мастерством, но и изумительной же настойчивостью вплетается Буниным в обычный для него любовный сюжет.

Леонид Долгополов. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина (опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник»)

Вряд ли можно не согласиться с мнением о том, что творчество И. Бунина изучено «глубоко и всесторонне», – так начинает анализ рассказа «Чистый понедельник» О. Богданова. Поставив себя в диалогическое положение по отношению к существующим концепциям, исследовательница подчеркивает:

«Между тем глубокие – философские – произведения Бунина продолжают открывать новые грани для исследований, предлагают иные ракурсы их восприятия и осмысления. Одним из таких текстов может стать рассказ “Чистый понедельник”, кажется, пристально – полиаспектно – исследованный литературоведами и критиками» [3, с. 514–515].

В подаче этой мысли, на первый взгляд, самое незначительное, ибо вводное, слово *кажется* и сосредоточивает на себе оценочное значение полученных результатов, указывая на такое упущение, которое в корне меняет понимание этого бунинского произведения. Ведь, несмотря на замеченные исследователями переклички писателя с Л. Толстым, все еще остается вне поля зрения буниноведения главное: «Чистый понедельник» – «самый толстовский рассказ». Однако осознание его именно в этом ракурсе и позволило исследовательнице увидеть *подлинный* конфликт произведения, проникнуть в самую его сердцевину и раскрыть в не деформированном, не искаженном виде. Конфликт в бунинском рассказе характеризуется О. Богдановой как столкновение *различных ментальных хронотопов* двух людей, встретившихся на разных стадиях своего духовного развития. Это позволило ей впервые сделать вывод относительно специфики причин любовной драмы героев:

«В ... толстовско-бунинских координатах <...> возникает еще одна, новая идейно-структурная коллизия: герои рассказа не могли быть вместе не потому, что Бунин “показывает ее <“всемогущей любви”> недостижимость”, как считают некоторые исследователи, но потому, что *он* и *она* проживали разные фазисы жизни, несопоставимые и разнонаправленные, те, что в “восточной мудрости” Толстого, идущей от толстовского увлечения индуизмом, названы как “Путь выступления” и “Путь возврата”. Ментальные координаты хронотопов героев разнесены, векторность их движений разноориентирована, они пересеклись в некоей “точке схождения”, но не могли совпасть абсолютно и соединиться [3, с. 537].

Энергично выраженное богдановское заключение абзаца: «пересеклись... не могли совпасть... соединиться» – с большой силой концентрирует в себе весь трагизм и судьбоносность обстоятельств, которые сложились в результате *когнитивного диссонанса* [см. о нем: 14], выразившегося в странности любовных отношений, достигнувших своего апогея в сопряжении сцены молитвы героя – его отчаяние передается возгласом плачущей старушонки: «Ой, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!» – и слов из письма героини: «...бесполезно длить и увеличивать нашу муку» [6, с. 250].

Этот впервые сделанный О. Богдановой вывод, на наш взгляд, является только подступом к главной мысли анализируемого рассказа, мысли-пути к внутреннему миру самого И. Бунина, сокрытым его раздумьям, к мысли, которую удалось высветлить и осознать только благодаря сопоставлению «Чистого понедельника» с «философско-религиозным трактатом» (О. Михайлов) или эссе [см.: 3, с. 540] – «Освобождением Толстого»:

«... Учитывая то, что трактат несет на себе признаки дневниковых записей Бунина, т. е. отражает длительность процесса размышлений над философией Толстого, то отголоски этих “ву-

тримоналогических” раздумий спустя какое-то время после опубликования эссе могли породить в творческом сознании Бунина собственно художественные образы, которые в столь совершенной форме отразили поиск зрелым писателем философии жизни, философии любви и философии ухода-освобождения» [3, с. 555].

Более того, обратным чтением этот вывод позволяет увидеть в новом свете многие, ранее не замеченные, детали в тексте «Чистого понедельника» – и не только в нем, – осмыслить их в связи и взаимодействии, понять то, что стекается к этому рассказу и что исходит из него, что служит основанием для выявления, говоря словами И. Козлика, «сквозного идентификационного (сигнального) вектора» всего цикла «Темные аллеи».

Особенно ценно то, что обоснованность выводов достигается путем тщательного анализа текстовой ткани «Чистого понедельника» и «Освобождения Толстого».

Отсюда необходимость, а значит, и цель статьи, состоящая в том, чтобы раскрыть концептуальные подходы О. Богдановой к рассказу И. Бунина «Чистый понедельник» в «Современном взгляде на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017), определить их стимулирующую роль и охарактеризовать некоторые интенции, возникшие в ходе мысленного «диалога» с автором монографии. В связи с этим, прежде чем перейти непосредственно к изложению, необходимо отметить, что все больше появляется монографий и статей, привлекательность которых состоит не только в том, что они содержат новые концепции, но и в том, что понуждают мысль к дальнейшему поиску, к новым интенциям¹. Среди них и уникальная по способу реализации замысла монография О. Богдановой – «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв.». Появившись в 2016 г., эта книга начала стремительно обрастать концептуальными статьями-спутниками (2016–2017), что, в свою очередь, потребовало ее переиздания, но не просто исправленного и дополненного, как это обычно делается, а существенно перестроенного. Так появился «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017). Теперь, сразу после статьи «Самый чеховский рассказ И. А. Бунина “Господин из Сан-Франциска”», в структуру книги вошли бывшие статьи-спутники – «Рассказ И. А. Бунина «Темные аллеи» (о сущности любви)», «Феноменология любви: “Натали” И. А. Бунина» «Самый толстовский рассказ И. Бунина (“Чистый понедельник”)» (2017) – и образовали бунинский блок / цикл, который парадигматически обрамлен: *самый чеховский рассказ – самый толстовский рассказ*, что в свою очередь, уже акцентирует внимание на творческом диалоге И. Бунина с А. Чеховым и Л. Толстым. Не забывает автором и магистральная тема: И. Бунин – А. Пушкин, которая продолжает свое развитие в *статье / спутнике* «Пушкинский подтекст в рассказе И. А. Бунина «Антигона» (2017) [см.: 4]. В результате, говоря словами О. Богдановой, «выделились у Бунина не пушкинский и тургеневский герои, а пушкинский и толстовский».

Точно такое же происходит и с чеховской темой: входившие в сферу притяжения монографии «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв.» статьи / спутники – «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» составляют чеховский блок / цикл. Однако и новая монография остается книгой открытой, которую уже сопровождают новые статьи / спутники – «Руся», «Красавица» и «Дурочка», «Антигона», «Речной трактир» и др.

¹ Только в последние годы украинское литературоведение обогатилось книгами такого рода. Это – «Набег язычества на рубеже веков» (2015) С. Бурого, «Тарас Шевченко» (2009), «На трех континентах» (2013) И. Дзюбы, «Українська проза першої половини XX століття: автобіографічний дискурс» (2014) И. Констанкевич, «Літературна творчість Симони де Бовуар: еволюція художніх образів» (2012) С. Криворучко, «...“Глядя задумчиво в небо широкое”: Человек и природа в произведениях И. С. Тургенева 1840–1850-х гг.» (2016) В. Мусий, «Поэтология фаустовской культуры. “Закат Европы” Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг.» (2013) А. Степановой, «Сюжет Доби: Дискурс шістдесятництва в українській літературі XX століття» (2013), «Українське шістдесятництво: профілі на тлі покоління» (2010) Л. Тарнашинской, «Интерпретация наполеоновского мифа в русской литературе XIX – начала XX вв.» (2014) А. Тарарака и др. В этом отношении интересна монография «Криница, из которой пил святой: философия поэзии Алеся Рязанова» (2010) белорусского ученого И. Штейнера, «Регіони великої ересі та околиці» («Regiony wielkiej herezji i okolice. Bruno Schulz i jego mitologia», 2010) историка польской литературы Ежи Фицовского (Jerzy Ficowskiego), «Настоящий Горький: мифы и реальность» (2013) и «Художественный мир И. С. Шмелева» (2014) известного русского горьковед Л. Спиридоновой и др.

Это сравнение, как и всякое другое, хромает уже только потому, что планета-спутник вращается вокруг звезды строго по своей орбите: «Każda toczy koło swe bezwzględnie, / Lecz nie zejdzie nigdy z swej orbity» («Каждая очерчивает свой круг, не обращая ни на что внимания, лишь никогда не сойдет со своей орбиты») [15, с. 146], – а тут наблюдается сложная связь смысловых взаимодействий и перекличек. И, забегая наперед, необходимо отметить, что уже только соположение чеховского и бунинского (мини)циклов, сама богдановская новаторская постановка проблемы *футлярности*, новый ракурс ее видения – прежде всего и с наибольшим акцентом в *статьях / главах* «О боязни жизни и человеческом одиночестве: “Человек в футляре” А. П. Чехова» и «Еще один “футлярный герой А. П. Чехова “Крыжовник”» – и ее решение в ходе тщательного анализа текстов способствуют дальнейшему философскому осмыслению этого явления, сопровождающего человеческую жизнь. Сам стиль статей, внимание автора к малейшим нюансам в художественной системе писателя побуждают реципиента оценить конфликтную ситуацию «Чистого понедельника» сквозь призму «футлярности», глубже ощутить то трагическое состояние, которое определяется двойственностью природы человека и неизбежностью конфликта между материальным (естественным, животным) началом и духовной сущностью. И, если подойти к героям «Чистого понедельника» с этой стороны, то обнаружить в них потребность сбросить футляр, сковывающий духовность, высвободиться из него, как из кокона.

При этом ни «Современный взгляд на русскую литературу XIX – начала XX вв.» (2016), ни «Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв.» (2017) не противопоставлены установленной концепции литературного процесса XX вв.

Сказанное свидетельствует о том, что «Чистый понедельник» О. Богданова анализирует в контексте не только всего бунинского творчества, но и в контексте литературного процесса в целом, одновременно стимулируя креативность восприятия и размышлений своего реципиента.

Обычно «Чистый понедельник» рассматривается относительно автономно даже от рассказов, входящих в цикл «Темные аллеи», не говоря уже о рассказе «Освобождение Толстого».

Семантическая структура бунинского (мини)цикла четко определена заглавиями / кодами, которые акцентируют внимание на ключевых моментах основной идеи, связывающей четыре (квази)фрагментарных текста в целостность. В то же время с каждым рассказом с какой-то новой стороны приоткрываются и бунинские философские искания.

О. Богданова, впервые рассматривая «Чистый понедельник» и «Освобождение Толстого» как «диалогию», дает возможность воспринять И. Бунина в процессе выработки им своей мировоззренческой картины мира, в процессе осознания смысла существования человека в нем.

Уже во вступительной части своей статьи О. Богданова, заострив внимание на двух принципиальных моментах, которые получают свое развитие в ходе последующего анализа «Чистого понедельника» и «Освобождения Толстого» – способе наррации² и темпоральной структуре хронотопа, отмечает:

«Наррация осуществляется от первого лица, посредством субъективно-личностного восприятия героя. <...> повествование от первого лица (двоящегося или троящегося) позволяет субъективировать изображаемые события, придать им колорит подлинности и жизненно-

² К вопросу о наррации и одновременно о конфликтности хронотопа [3, с. 531] следует добавить следующее: на наш взгляд, О. Богданова наталкивает еще на одну перспективную мысль – рассмотреть эффективность способа наррации от первого лица у И. Бунина для выявления многовекторной роли контрастов. В свое время Л. Бублейник, анализируя рассказ М. Горького «О первой любви» и говоря о контрасте как текстообразующем средстве в художественной прозе, отмечала: 1) «Прием контраста в структуре произведения, определяющий собой семантику текста, обусловлен концептуально – его идейно-художественным замыслом. Написанный от первого лица, рассказ выражает жизненную позицию автора, его мировосприятие, отношение к людям» [5, с. 446–447]. 2) «Контрасты в рассказе выявляются в дистантном столкновении противоречивых смыслов, элементов, сигнализируя о перспективном их развитии» [5, с. 453]. Бунинские «Темные аллеи», в частности «Чистый понедельник» и «Освобождение Толстого», взятые О. Богдановой за «единый» текст, дают все основания для раскрытия и этих проблем.

сти, а универсальная коллизия – отношений “он и она” – позволяет художественно-эстетически осмыслить “вечные” и “проклятые” вопросы человеческого бытия, проследить векторы личностного становления персонажей» [3, с. 515].

Вчитываясь в этот тезис, нельзя не остановиться на особой емкости исследовательской мысли, акцентируя на словах: «универсальная коллизия – отношений “он и она” – позволяет художественно-эстетически осмыслить “вечные” и “проклятые” вопросы...» – ибо уже отсюда в поле поиска ответов втягиваются не только бунинский герой, но и множество самых разных людей, включая самого И. Бунина. Прежде всего, это философы, писатели, художники, которые жили до И. Бунина, одновременно с ним и те, что придут и будут приходиться на смену ему. Иными словами, только стилевые особенности О. Богдановой – не говоря уже о тех перекличках с текстами А. Пушкина и Л. Толстого, которые обоснованно установлены ею впервые, – активизируют тезаурус реципиента. Это расширяет ему простор для интенций, ассоциаций с другими текстами, в том числе и бунинскими, что, в свою очередь, способствует глубокому осознанию соотношений между *автобиографичностью и вымыслом*. Почвой для предположения – не без оснований – автобиографичности являются *воспоминания*. К ним у О. Богдановой особый, новаторский подход. Если статью о «Чистом понедельнике» рассматривать в контексте ее статей о цикле «Темные аллеи», то со всей очевидностью проявится, что требующее сложного умственного напряжения, работы души, необходимой для осознания воспроизводимых писателем событий, *воспоминание*, взятое И. Буниным как нарративный прием в каком-то отдельном рассказе – например, «В одной знакомой улице» с его оппозицией «помню / не помню», – обретает определенную самостоятельную функцию и бросает добавочный свет на содержание всех остальных рассказов, что, в свою очередь, составляет звено в цепи, связывающее цикл «Темные аллеи» в неразрывное единство. Автобиографичным в рассказах цикла – это вытекает из богдановского анализа – является именно сам *акт воспоминания*, то есть не воспроизведение писателем конкретного *случая / прототипа* из своей жизни, а выражение переживания, связанного с осознанием любви в жизни человека и самой жизни, поисками ее смысла. Справедливость богдановской трактовки *воспоминания* у И. Бунина подтверждается и лирикой И. Бунина. В этом отношении характерно его стихотворение «Печаль ресниц, сияющих и черных...»:

Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, –
Все помню я... Но нет уж в мире нас,
Когда-то юных и блаженных!
Откуда же являешься Ты мне?
Зачем же воскресаешь Ты во сне,
Несрочной прелестью сияя,
И дивно повторяется восторг,
Та встреча, краткая, земная,

Что Бог *нам* дал и тотчас вновь расторг? (Курсив мой. – Л. О.) [8, с. 11].

Нетрудно заметить, что в стихотворении тоже воспроизведена «универсальная коллизия – отношений “он и она”», что позволяет говорить о постоянстве интереса писателя к этой проблеме. Однако следует подчеркнуть другое: И. Бунин так структурирует свои тексты, что на место лирического героя, его *Я*, легко подставляется *Я* вспоминающего себя реципиента, а множественная форма местоимения *мы – нас, нам* – содействует этому. Воспоминания бунинского лирического героя, на наш взгляд, не только дистанцируются от сугубо биографических воспоминаний автора, точно такое же – через вопрос *зачем?* – абстрагирование предлагается и читателю. В определенной мере в подобное положение И. Бунин ставит и реципиента своих рассказов, в т. ч. и «Чистого понедельника». *Воспоминания* по своей природе хронотопичны, как у бунинского героя, самого И. Бунина, который их преобразовал в художественном творчестве, так и у реципиента, который находится в другом времени и пространстве. Однако условием для понимания и со-думания с писателем являются общечеловеческие свойства и ценности. И. Бунин, ищущий свои ответы на вечные вопросы и ставящий их перед своим реципиентом, в анализе О. Богдановой показан

в положении диалогических размышлений с Л. Толстым, с его эволюционирующей духовной жизнью. В связи со всем этим исследовательницей четко структурируется каждая отдельная статья, посвященная писателю, но с одновременным учетом целостности всего содержания как в монографии «Современный взгляд...», так и включенного в нее богдановского (мини)цикла об И. Бунине.

Структура статьи «Самый толстовский рассказ И. Бунина (“Чистый понедельник”)», ее логическая связанность отвечает задаче – раскрыть путем углубления в подтекст текста, отзвуки внутренних соотношений раздумий и устремлений героини рассказа с духовными исканиями и противоречиями Л. Толстого. Но только ли это? Подход О. Богдановой формирует представление о том, как в поле этих исканий втягивается и герой «Чистого понедельника», и сам И. Бунин. В этом ключе заглавие рассказа «Чистый понедельник» соотносим с заглавием рассказа «Освобождение Толстого». Фактически О. Богданова обнажает своеобразный сюжет, который образуется вследствие соположения двух рассказов: «Чистый понедельник» – «Рубикон» для героини, что замечено уже исследователями [см.: 3, с. 518], а дальше – это устанавливается О. Богдановой в ходе текстового анализа – «Рубикон» для героя [см.: 3, с. 530]. Но и героиня, и затем герой останавливаются перед ним, что не случайно. И только Л. Толстой в конце своей жизни решает его перейти. Однако сам жизненнолюбивый И. Бунин все-таки, видимо, остается в оппозиции к Л. Толстому. И в ходе анализа О. Богданова убедительно показывает, как самый толстовский рассказ при сопоставлении с «Освобождением Толстого» неожиданно освещается «жизненной силой пушкинской мысли» [см.: 3, с. 554].

Однако, говоря о смыслообразующей роли сопоставления этих двух рассказов, нельзя пройти мимо способов и приемов обоснования его. И тут особой значимостью обладает концентрация внимания на темпоральной структуре хронотопа. Нельзя сказать, что само обращение сделано О. Богдановой впервые: ведь и Л. Долгополов детально и с какой-то припрятанной душевностью освещает этот вопрос, акцентируя 1913-й г., глубоко и точно осмысляя его как временную границу, как год крутого поворота в истории России, которая до этого часу была одна, а после – другая:

«1913-й год, – пишет с еле угадываемой душевной проникновенностью ученый, – последний предвоенный год России. Этот год и избирает Бунин временем действия своего рассказа, несмотря на явное несовпадение его с деталями описываемого московского быта. В сознании людей эпохи, переживавших ее, этот год вырос в исторический “символ” большого значения. 1913-й год делает хронологическим центром своей “Поэмы без героя” Анна Ахматова. Никогда и ни в чем не совпадали Бунин и Ахматова в ранний период творчества. А вот теперь они совпали, в самом главном – в оценке эпохи, которая не только была эпохой их молодости, но, как оба теперь явственно ощутили, и эпохой исторического рубежа» [7, с. 95–96].

Эта особая душевная проникновенность Л. Долгополова вызвана тем, что он и сам пережил нечто подобное, но в другое время, когда для него историческим рубежом стала дата 21 июня 1941 г., определившая судьбы миллионов и поделившая жизнь людей надвое: на *до* и *после*.

Но О. Богданова, не вступая в противоречие с Л. Долгополовым, одновременно подходит несколько с иной стороны, расширив временные эпохальные вехи: 1910 – 1912 – 1913 – 1914, способствуя тем самым раскрытию и новых, не осмысленных ранее или осмысленных не полностью, сторон содержания, заключенного в «Чистом понедельнике». Обозначая хронологические рамки эпохи годами-вехами и придавая им кодовое значение, О. Богданова, тем самым, не только определяет внешнее, психологически значимое *поле*, которое, как доказал это Курт Левин (1890–1947), оказывает конструктивное влияние на характер и поведение человека [см. подробно: 9]. Она – независимо от «Теории поля...» немецкого психолога – тонко подметила, как И. Бунин, вводя своих героев во *внешнее широкое культурологическое поле*, характеризовал тот поведенческий тип русского «салонного» человека, к которому принадлежали оба персонажа «Чистого понедельника». Кратко, но точно, прибегая к подстрочнику [3, с. 519], О. Богданова показывает, с каким мастерством И. Бунин раскрывает влияние культурной атмосферы эпох на все в человеке, даже на отношение мужчины к женщине [3, с. 518]. А это, в свою очередь, говорит о недостаточной корректности утверждений некоторых исследователей, считающих «изображенный москов-

ский культурный быт» «лишь фоном для эксцентрического поступка героини» [см. подробно: 11]. Ведь «фон» у И. Бунина не является нейтральным по отношению к героям, но он ничего и не оттеняет. Напротив, взаимодействуя с другими формо- и структурообразующими элементами художественного целого, так называемый «фон» не только в определенной степени детерминирует взгляды, поступки, времяпровождение *ее* и *его*, но, подчеркивая личностную неповторимость героев и неповторимость их «странной любви» (каждая любовь – счастливая или несчастная – всегда единственна и нова в своем роде), одновременно выявляет типичность всех образов, включая эпизодические, и обстоятельств. О. Богданова очень чутко ощущает и осознает хронологичность всего сущего, в т. ч. и архетипность символики цвета и света, которая, возникнув во времени, в разных местах планеты не является однозначной. Исследовательница несомненно согласуется в своем анализе с М. Бахтиным, который писал:

«Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [2, с. 95–96].

В то же время О. Богданова, имея свой взгляд на хронотоп как на прием с широкими изобразительными и выразительными возможностями, в ходе своего анализа интенсивно опирается на эти его свойства.

Здесь нет возможности детально продемонстрировать эту, требующую специально-го анализа, особенность концептуальных подходов ученого к явлениям художественного творчества. Поэтому целесообразно остановиться на одном аспекте темы и рассмотреть *темпоральную структуру хронотопа* и *темпоральную логику* как путь к обоснованию правомерности рассмотрения в одной связке и смысловом ключе «Чистого понедельника» и «Освобождения Толстого».

Уже стала хрестоматийной образно выраженная мысль М. Бахтина о *хронотопе* – *воротах к смыслу произведения* [см.: 2, с. 290]. Но у О. Богдановой, если развивать бахтинский образ, эти *ворота* обладают особой конструкцией, благодаря чему их функция двояка: одна функция находится на поверхности; другая – проясняется только обратным чтением по прочтению статьи.

На поверхности со всей очевидностью видно, что исследовательница ведет своего читателя через *времяпространство* и к глубинному проникновению в бунинский замысел самого рассказа «Чистый понедельник», и к пониманию характера героини, ее внутреннего мира, поступков и незавершенности выбора жизненной дороги (о чем говорит ее письмо). Но не менее важно и осознание духовных трансформаций героя, приведших к его возмужанию. Ведь в динамике И. Буниным был изображен именно герой, что убедительно доказывается автором статьи. Забегая вперед, надо отметить и невозможность преодоления противоречия между стремлением к духовности, чистоте и зовом плоти.

Всему этому содействует особенность богдановского раскрытия значимости хронологических рамок, которая заключается в спокойной, казалось бы, безакцентной характеристике темпоральной структуры³. Сначала О. Богданова, вступая в диалог с В. Сузи, О.М. Дзюбенко и др. и ставя перед собой цель – прояснить «период осознания героем происшедшего», сосредоточивает внимание на специфике организации «*временипространства*» (М. Бахтин) в «Чистом понедельнике»:

«...Хронотоп рассказа “удваивается” или даже “утраивается”, множится и спрессовывается, ибо основные события текста приходятся на 1913 год, финальные обстоятельства связаны с происшествием двух лет, т. е. падают на конец 1914 года, тогда как воспоминания, т. е. условное настоящее, отодвинуты нарратором на какие-то иные даты, в большей или меньшей степени соотносимые с событиями в Москве 1910 г. Так, если связывать темпоральную структуру текста со временем написания рассказа затекстовый 1944-й год, как это делают некоторые исследователи, то “условное настоящее” может быть отодвинуто примерно лет на тридцать относительно основной фабулы. Между тем это не вполне обязательно: период осознания героем происшедшего мог быть связан и со временем, например второй половины – конца 1910-х годов, ибо, как показывает текст, герой 1913-го уже “не равен” герою 1914-го» [3, с. 515–516].

³ О темпоральной структуре см. [14].

И хотя О. Богданова акцентирует 1914 г., потому что после событий, происшедших в нем, «можно говорить о наступлении мужания и взросления» героя, мимо внимания информированного читателя не проходит двойное упоминания 1910 года – времени ухода и смерти Л. Толстого.

Этот год прочно фиксируется в памяти и вскоре осознается как ключ к внутреннему обоснованию правомерности рассмотрения в одной связке «Чистого понедельника» и «Освобождения Толстого». Говоря о темпоральной структуре хронотопа, О. Богданова по-нуждает осознать темпоральную логику, причем сразу двух типов:

– жизнь героев в хронологическом плане после события – смерти Л. Толстого, жизнь внешне, казалось бы, независимая от этого события;

– жизнь внутренняя героини – а потом и героя в его эволюции – вследствие ухода Л. Толстого (решение тех проблем, которые мучили писателя и которые стремился осмыслить Бунин в цикле «Темные аллеи»).

Важным моментом в этом отношении является образование внутренней смысловой связи между разучиванием героиней первой части бетховенской «Аппассионаты» (не случайно она проходит и через искусство мастеров слова – И. Тургенева, А. Куприна, О. Мандельштама и др.) и висаящим над диваном портретом *босого* Толстого. Именно благодаря этому сочетанию реципиент вспоминает А. Гольденвейзера, его книгу «Вблизи Толстого», угадывает думы героини – не раскрываемые, но (про)играемые ею, проникается ее интересами, понимая, что она была в переживаниях / стремлениях своих близка к Толстому и к уходу / освобождению, вернее, пыталась встать на путь к нему, оказавшись не в «пространстве жизни, а выхода из жизни», в «узком пространстве порога, границы, ...где можно только перешагнуть, переступить» [1, с. 74]. Нелегким было решение Л. Толстого – уйти, нелегким и выбор для героини. И в ней – в ее женском переживании – отражаются толстовские думы и искания. Тогда как в трактате-эссе является сам Л. Толстой. Обратным чтением оживает весь 1910 год – с его противоречивым переживанием смерти Л. Толстого, что нашло свое выражение, например, в реакции прошедшего через толстовство М. Горького, писавшего А. Амфитеатрову:

«Отошла в область былого душа великая, душа, обьявшая собою всю Русь, все русское, – о ком, кроме Толстого Льва, можно это сказать? <...> Очень тяжело мне, невыразимо. <...> Думать ни о чем не могу, все о нем только...» [10, с. 232].

На что был получен ответ:

«Чего уж Вы так? Ведь, собственно-то говоря, он уже лет пятнадцать, как умер, а выходы его из яснополянской могилы были столь же полезны, как появление привидения» [10, с. 234].

Очевидно, что бунинские герои не могли быть в стороне от всех этих событий. Об этом свидетельствует детально охарактеризованный О. Богдановой их тезаурус, круг общения и интересы, темы разговоров [см.: 3, с. 520, 533 и др.].

Итак, упомянув во вступительной части 1910 г., О. Богданова не только композиционно закольцевала в целостность все три части статьи «Самый толстовский рассказ И. Бунина: “Чистый понедельник”», но высветлила женский и мужской подход к одной и той же проблеме. Как известно, М. Павич в романе «Внутренняя сторона ветра» взгляд на события мужчины и женщины выразил не только в тексте, но и в способе издания: книга читается сначала – мужской взгляд; чтобы узнать женский, ее надо перевернуть. Можно начать и наоборот. Нечто схожее возникает и в концептуальных подходах О. Богдановой, которая показала, как в бунинских текстах вечные вопросы отражаются в переживаниях мужчины и женщины, и не только в их мыслях, чувствах, но поступках. И сам И. Бунин среди них, переживающий эти вопросы и ставящий их⁴. В результате получается, что «Чистый Понедельник» в определенном смысле весь в духе бахтинского диалога, когда каждый ответ – вопрос. И в этой связи сама та особенность *воспоминания-приема* в «Темных аллеях» – тонко и точно обозначенная О. Богдановой – обнаруживает добавочные свои функции, которые проясняются, если обратиться к полемическим размышлениям Б. Аверина над концепци-

⁴ В этом плане интересна соотнесенность лирики И. Бунина, в частности стихотворения «Льет без конца. В лесу туман...» с его волнующим вопросом: «Зачем?», – где образ жизни предстает во всех ее проявлениях, с рассказом «Чистый понедельник».

ей Ф. Степуна о взаимоотношениях памяти с воспоминанием. Приведем основное положение из статьи критика «Иван Бунин»:

«Сущность памяти <...> в спасении образов жизни от власти времени. Не сбереженное памятью прошлое проходит во времени, сбереженное обретает вечную жизнь. В отличие от воспоминаний, всегда стремящихся “вернуть невозвратное”, память никогда не спорит со временем, потому что она над ним властвует», –

и размышляя над сказанным, Б. Аверин замечает:

«Различение и даже противопоставление памяти и воспоминания в некотором отношении весьма существенно. Дифференциация здесь может быть даже и более сложной. Но антитеза, предложенная Степуном, не кажется нам вполне удовлетворительной. Воодушевляющая его власть памяти над временем изымает память из времени, тем самым лишая память процессуальности».

Но, избегая категоричности при постановке проблемы в статье «Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминаний», ученый излагает свою позицию с некоторой осторожностью:

«Для нашей темы продуктивнее отождествлять память с воспоминанием, подчеркивая, что не только воспоминание, но и память может быть процессом, становлением, духовной активностью» [8, с. 652].

Здесь же, на наш взгляд, не опровергая возражений Б. Аверина, целесообразнее опереться на дифференцированный подход Ф. Степуна: именно он позволяет представить И. Бунина, обращающегося своим воспоминанием к памяти, прося у нее ответы на свои вопросы, тогда как память ставит перед ним новые.

В такое же положение О. Богданова ставит и своего реципиента. Она предлагает ему вчитываться в целостность творчества И. Бунина и, выспрашивая вместе с ним *память* – личную и историческую, – одновременно понять правомерность объединения «Чистого понедельника» с «Освобождением Толстого» в единый текст, ибо оно основывается на философском понимании И. Буниним противоречий между сущностью жизни и жизнью человека. Совсем не случайна бунинская акцентуация на мысли Л. Толстого:

«Пространство и время, – говорится и причина суть *формы* мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее *подчинение себя этим формам* и потом опять освобождение от них» [3, с. 543].

Осмысление этого момента позволяет уяснить, что в рассказе «Чистый понедельник» показано само *подчинение человека себя этим формам* и стремление к освобождению, тогда как в «Освобождении Толстого» раскрывается сам акт освобождения, его свершение.

Продолжая разговор о подходах в статье О. Богдановой, следует подробнее остановиться на таких моментах, как подтекст и интенции.

Л. Долгополов, приступая к анализу рассказа И. Бунина «Чистый понедельник» и рассматривая его в контексте двух этапов творчества писателя, заметил:

«Россия в рассказах и повестях Бунина эмигрантского периода – совсем не та Россия, с какой мы встречаемся в его дореволюционных произведениях. <...> изменился сам характер подтекста... *Подтекст* этот заметно *сужается*, он охватывает уже не жизнь страны или социального слоя, – он связан теперь исключительно с судьбой отдельного человека, изолированного от среды» (Курсив мой. – Л. О.) [7, с. 93].

Вдумываясь в эту мысль выдающегося ученого, следует сказать, что в определенной мере это так – И. Бунин действительно не целенаправлен на социальные отношения, хотя они и угадываются. Однако, другой стороны, – и не совсем так, потому что изолированность от социального положения да и жизнь страны освещены писателем с иной стороны: все предстает как «психологическое поле» (Курт Левин), взаимодействующее с героями.

Анализ О. Богдановой, если вдуматься в интертекстуальные включения, темпоральную структуру хронотопа, служащую намеком, позволяющим информированному читателю за датами увидеть то, что легло в содержание горьковского романа «Жизнь Клима Самгина», и учесть взаимодействие основного текста с текстом подстрочника, – приводит к другому, можно сказать, противоположному выводу: подтекст «Чистого понедель-

ника» чрезвычайно богат и многоаспектен. Именно «прочитанный» подтекст дает основную осязательную форму, как изменилась Россия в преддверии Первой мировой войны и революций.

Особенность дискурсивной структуры богдановского текста состоит в том, что она, активизируя тезаурус реципиента, ставит его в положение со-думания, со-размышления с автором. Как известно, всякое неординарное прочтение произведения предполагает не только сознательного, доказательного, строго-логического изложения, но и дальнейшего развития поставленной проблемы, что невозможно без «интуитивного скачка», ибо новое знание – в этом случае углубленное понимание бунинского рассказа «Чистый понедельник» – невозможно получить только логическим рассуждением. Вот почему возникает потребность выхода за пределы логических построений, необходимость творческого акта, в т. ч. и со стороны воспринимающего текст статьи О. Богдановой.

При восприятии бунинского «Чистого понедельника» и концептуальных подходов к нему О. Богдановой возникают интенции двоякого характера, но так или иначе базирующиеся на ассоциациях. Одни интенции зарождаются через нахождение новых визуально-образных переключек с текстами Л. Толстого; другие возникают как отлет от размышлений автора статьи и развиваются параллельно, не приходя с ним в противоречие. К этим интенциям неуклонно подталкивает сама О. Богданова: и тогда, когда, «возвращаясь к пушкинским параллелям» – особенно содержательно сопоставление бунинского героя с Евгением Онегиным, – размышляет над финальными сценами произведений А. Пушкина и И. Бунина [см.: 3, с. 537]. И тогда, когда говорит, что И. Бунин, стремясь «осмыслить идеи “позднего” Л. Толстого», «не обходит вниманием и черты “раннего” Толстого» [3, с. 550]. И тогда, когда рассматривает реминисценции других исследователей, сопоставляющих, например, героиню «Чистого понедельника» с княгиней Лизой Болконской и т. д.

Интенции первого типа добавочно акцентируют присутствие Л. Толстого в бунинском рассказе, расширяя подтекстовый смысл «Чистого понедельника», подкрепляют точность характеристики, которые О. Богданова дает героине, они лишней раз убеждают в правомерности рассмотрения «Чистого понедельника» и «Освобождения Толстого» в тесной связи. Сюда в первую очередь следует отнести портретную характеристику Её:

«...Она прямо и несколько театрально стояла возле пианино в черном бархатном платье, делавшем ее тоньше, блистая его нарядностью, праздничным убором смольных волос, смуглой янтарностью обнаженных рук, плеч, нежного, полного начала груди, сверканьем алмазных сережек вдоль чуть припудренных щек, угольным бархатом глаз и бархатным пурпуром губ; на висках полуколючками загибались к глазам, черные лоснящиеся косички, придавая ей вид восточной красавицы с лубочной картинки» [6, с. 247–248].

В этом портрете детали *черное платье* и *полуколючки на висках* ассоциативно соотносят образ Её с образом Анны Карениной из одноименного романа Л. Толстого:

«...Увидела прелестную фигуру и голову Анны в черном бархатном платье. <...> На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на черной ленте пояса. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу. <...> Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее полные руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести» (Курсив мой. – Л. О.) [11, с. 96–101].

Это впечатление: «ужасное и жестокое», производимое прелестью Анны (не красота, а *прелесть*; «бесовское и прелестное» [12, с. 96–101]), в переключке с ее словами: «Нет, я не брошу камня...» [12, с. 97], с набирающей символический смысл картины *страшной бури*, которая «свистела между колесами» [12, с. 123], подается как какое-то предупреждающее предчувствие о роковом исходе зарождающейся любви. И так оно осознается «обратным чтением». Иными словами, у Л. Толстого наррация строится по тому самому принципу, что и у А. Пушкина в «Полтаве»: «Тогда лишь истина вернулась...».

И тут обращает на себя внимание богдановское очень тонкое наблюдение, отмеченное ею в подстрочнике к словам, характеризующим героиню (кстати, за *греховным багряно-пурпуром* тоже стоит нечто *бесовское и прельщающее*): «...слишком умствен-

на – и по-своему эгоистична»: «*И даже зловеще*. Эпитет “зловещие” звучит в речи персонажа при описании волос героини» (“зловещие в своей густой черноте”) [3, с. 522]. Тут тоже «*зловещее*» обратным чтением осознается как предвещание трагедийно-драматической развязки складывающихся странным образом любовных отношений.

Таким образом, положенные в один ряд два фрагмента обнаруживают еще один – правда, косвенный – аргумент особенной связи И. Бунина с А. Пушкиным и Л. Толстым, но уже на уровне типологий в наррации. Очевидно, что ассоциации такого рода не случайны и, в свою очередь, тоже указывают значимую для И. Бунина пару: Пушкин ↔ Толстой.

Сопоставление этих двух героинь вроде бы убеждает в том, что эта схожесть контрастирует несхожести, но усложнение заключается в том, что и сама схожесть весьма относительна. Светская Анна Каренина у Л. Толстого, принадлежа к высшему свету, противопоставлена его пошлости, и безымянная героиня И. Бунина тоже, но, принадлежа другому кругу и времени, «...она напоминает *салонную модернистскую* отстраненность – воплощает образ изысканной, эфемерной и далекой от *бытовой вульгарности и пошлости* светской красавицы...» (Курсив мой. – Л. К.) [3, с. 518].

Холодная рассудочность ее «любви» в сознании реципиента оттеняется при сопоставлении с глубокой и искренней любовью Анны. А в бунинской героине, на что указывает и О. Богданова, не полностью, но то, что было в ней от купчихи... И это не только в любви к еде... Ее колечки на висках в какой-то степени относятся сюда же. В ней было нечто от излишества, говорящее об отсутствии меры, что характерно для искусства разбогатевших буржуа, пришедшими на смену Людовику XIV. И на фоне Анны то, что о героине совершенно справедливо пишет О. Богданова, видится еще яснее.

К интенциям второго типа можно отнести мысли реципиента, возникающие в заданных автором статьи параметрах, но являющиеся продуктом *со-размышления* с ним текстами «Чистый понедельник» и «Освобождение Толстого» и носящие несколько отвлеченный характер.

Согласованность с концептуальными положениями О. Богдановой и ее тончайшим проникновением в сложность психологических ситуаций, дальнейшие – исследовательница провоцирует это – сосредоточенные раздумья над текстом «Чистого понедельника», над словами героини: «...вы у меня *первый и последний*» – невольно подталкивают к аналогиям и обобщениям философского порядка. Иными словами, героиня «Чистого понедельника» – наподобие греческой богини – начинает олицетворять саму *Жизнь*, у которой отец – Бог. Это для *Него*, а значит и для *Нее* каждый человек является *первым и последним*. Холодная к человеку, *Она* играет им, привлекает к себе и многое позволяет ему. И при всем при том он никогда *Жизнью* не владеет, даже тогда, когда, казалось бы, вот уже овладел ею. Но человек любит *Жизнь* и ее равнодушие к себе побеждает *Любовью*. И не случайно возникла у автора статьи идея рядоположения рассказа «Чистый понедельник» с трактатом-эссе «Освобождение Толстого».

«На мысль о возможности сопоставления текстов «Освобождения Толстого» и «Чистого понедельника», – пишет О. Богданова, – наталкивает уже одна из начальных глав трактата – описание сцены знакомства Бунина с Толстым, первый визит начинающего литератора к знаменитому старцу, которое насквозь проникнуто нотками восторженности и трепета, восхищения и преклонения, переживаемыми авторским персонажем эмоциями и чувствами. Речь во фрагменте идет о реальных событиях января 1894 года, когда, оказавшись в Москве, молодой Бунин решает на посещение Толстого в его доме в Хамовниках. <...> Описание “восторженно, почти эксталично”. Но еще более важно то, что оно удивительным образом напоминает начало повествования в «Чистом понедельнике» – те же восторг и восхищение, те же взволнованность и трепет, те же вечер и звезды, та же *любовь*» [3, с. 543–544].

Предшественники О. Богдановой, говоря о любви, отмечали, что «Бунин напоминал людям о любви, о самом прекрасном, значительном и высоком, что есть на свете» [8, с. 33], что «...естественный сплав *откровенно* чувственного и *идеального* создает художественное впечатление: дух проникает в плоть и облагораживает ее» [8, с. 356], что любовь «все та же мука и все то же счастье» [см.: 11] и т. д. О. Богданова, не отрицая этого, делает следующий важный шаг и в осмыслении отношений *он* и *она*, и в понимании трансформаций, происходящих в духовном мире самого И. Бунина. Проводя параллели между финальными

ми эпизодами пушкинского «Евгения Онегина» и бунинского «Чистого понедельника», исследовательница подводит к осознанию любви как силы, которая преобразует человека.

«...Бунин в финале “Чистого понедельника” в ситуации сюжетного перелома показывает, что *герой* после пережитого и преодоленного им расставания с любимой *стал более зрелым и сильным*, обрел спокойствие и мудрость. Последние выплаканные слезы героя и его раздумчивые мысли-вопросы в Марфо-Мариинской обители знаменуют собой начало нового пути, который открывается перед ним [3, с. 517–518].

При восприятии этого фрагмента в памяти *информированного* читателя – именно он является богдановским адресатом – ассоциативно возникает дневниковая запись Л. Толстого, сделанная им утром 25 января 1863 г.:

«Это было увлечение молодости – фарисейство почти, которые я не могу продолжать, выросший большой. Все она. Она не знает и не поймет, как она преобразовала меня, без сравнения больше, чем я ее. Только не сознательно» [11, с. 258].

Отправной точкой для возникновения ассоциативного сближения двух текстовых фрагментов послужили выражения, входящие в одно семантическое поле: у И. Бунина – *стал более зрелый и сильный*; у Л. Толстого – *не могу продолжать, выросший большой*. А слово *зрелый*, употребленное в завершении II части статьи: “Зрелый к моменту написания рассказа художник показывал – «Все мое время на земле...» [3, с. 518], – в этом контексте не только позволяет соотнести самого И. Бунина с Л. Толстым, но и понять, что процитированная дневниковая запись наряду с интертекстуальными вставками является добавочным основанием для логичного перехода к анализу «Освобождения Толстого».

Нет необходимости множить примеры, могущие возникнуть у реципиента, находящегося в состоянии творческого диалога и с писателем И. Буниным, и с О. Богдановой – автором статьи о нем.

Количество интенций обоих типов и разнообразие их неисчислимо, они могут быть в разной степени субъективно / объективными и объективно / субъективными и даже неожиданными, ибо И. Бунин-художник неисчерпаем. Основанием для такого утверждения являются многочисленные исследовательские работы литературоведов разных поколений – О. Богданова приковывает к ним взоры читателя, концентрирует его внимание на узловых моментах диалогического характера.

Наше изложение приходит к концу, в его завершение следует подвести некоторые итоги:

– во-первых, говоря словами С. Бурого, И. Бунин представлен О. Богдановой писателем, «в творчестве которого соединяются важнейшие линии русского и общеевропейского литературного развития», речь идет не только о мастерстве писателя, но и его художественно-философских исканиях;

– во-вторых, глубина анализа О. Богдановой двух бунинских текстов – «Чистого понедельника» и «Освобождение Толстого», новаторки взятых исследовательницей за «единый текст», сама концептуальность статьи «Самый толстовский рассказ Ивана Бунина “Чистый понедельник”», стимулируя научную мысль, раскрывают перспективы для дальнейшего осознания наследия писателя;

– в-третьих, следует подчеркнуть специфику открытости в «Современном взгляде на русскую литературу XIX – середины XX вв.», ее двоякую направленность: первый вектор – автор явно продолжает заполнять лакуны новыми статьями / спутниками, которые со временем поглотит третье издание книги; второй вектор – автор существенно расширяет диалогическое поле для интенций реципиента.

И наконец, следует подчеркнуть смыслообразующее значение, каким обладает сам способ закольцевания трехчастной статьи – «Самый толстовский рассказ Ивана Бунина “Чистый понедельник”». Бунинские исповедальные, брошенные в пространство слова: эпиграф и дневниковые записи в 3-й части, – именно так *размещенные* О. Богдановой в тексте статьи – передают с необычайной силой глубину страданий души (немой крик, ее мучительный стон, который ассоциативно соотносится с картиной Эдварда Мунка «Крик») и мысли / раздумья И. Бунина... А потом к концу изложения все уравнивается и течет, как большая река *Жизни*. Такое *размещение* – направленное на подсознание – наполняет особым живительным смыслом строгую логику изложения. Оно играет ту же роль, что и

музыкальное сопровождение или как, например, двойной мотив в Пятой симфонии Л. ван Бетховена. Такое продуманное *размещение* бунинских исповедальных слов – в структуре статьи представляет собой *смыслообразующий элемент*.

Но не менее важно и то, что богдановское новаторское прочтение «Чистого понедельника» в настоящий момент особенно актуально напоминанием: пора, пройдя через модерн и постмодерн, вернуться к чистейшему источнику русской классической литературы, взятой в контексте мировой гуманистической художественно-философской и философской мысли, к ее исканиям, к подлинным общечеловеческим ценностям.

Список использованных источников

1. Бахтин М. Литературно-критические статьи / М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Бахтин М. Работы 1940 – начала 60-х годов / М. Бахтин // Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – 731 с.
3. Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв. / О.В. Богданова. – СПб.: ИПК Береста, 2017. – 560 с.
4. Богданова О.В. Четыре рассказа Ивана Бунина: «Руся», «Красавица», «Дурочка», «Антигона» / О.В. Богданова // Серия «Литературные направления и течения. Анализ литературного произведения». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2017. – Вып. 87. – 60 с.
5. Бублейник Л.В. Контраст как текстообразующее средство в художественной прозе (рассказ М. Горького «О первой любви») / Л.В. Бублейник // Вибрані праці. – Луцьк: Твердина, 2013. – С. 446–454.
6. Бунин И. Собрание сочинений: в 9 т. / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 7. Темные аллеи. Рассказы (1931–1952). – 399 с.
7. Долгополов Л. О некоторых особенностях реализма позднего Бунина (опыт комментария к рассказу «Чистый понедельник») / Л. Долгополов // Русская литература. – 1973. – № 2. – С. 94–106.
8. Иван Бунин: Pro et contra. Антология / сост. Б.В. Аверин, М.Н. Виролайнен, Т.М. Двинятина. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – 1001 с.
9. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Сенсор, 2000. – 368 с.
10. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка // Литературное наследство. – М.: Наука, 1988. – Т. 95. – 1079 с.
11. Сухих И.Н. Русская любовь в темных аллеях («Темные аллеи» И. Бунина) / И.Н. Сухих // Серебряный век русской литературы / сост. О.В. Богданова. – СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. – С. 171–200.
12. Толстой Л. Собр. соч.: в 20 т. / Л. Толстой. – М.: Художественная литература, 1960–1965. В дальнейшем ссылки на это издание будут даны в тексте с указанием тома и страницы.
13. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса = A theory of cognitive dissonance / Леон Фестингер. – СПб.: Ювента. – 345 с.
14. Федосова Т.В. Темпоральная структура текста как компонент идиостиля автора (на материале произведений К. Воннегута и Дж. Фаулза) [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Федосова. – Барнаул, 2005. – 19 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/temporalnaya-struktura-teksta-kak-komponent-idiostilya-avtora>
15. Lange A. Rozmyslania i inne wiersze / Antoni Lange. – Warszawa: państwowy instytut wydawniczy, 1979. – 256 с.

References

1. Bahtin, M. *Literaturo-kriticheskie stat'i* [Literary-critique articles]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1986, 543 p.
2. Bahtin, M. *Raboty 1940 - nachala 60-h godov* [Works 1940 - the beginnings of 60th years]. *Cobranie sochinenij: v 5 t.* [Collected edition: in 5 vol.]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, vol. 5, 731 p.

3. Bogdanova, O.V. *Sovremennyy vzgljad na russkuju literaturu 19 - serediny 20 vv.* [Modern sight at Russian literature 19th - middle 20th centuries]. Saint Petersburg, IPK Beresta Publ., 2017, 560 p.

4. Bogdanova, O.V. *Chetyre rasskaza Ivana Bunina: "Rusja", "Krasavica", "Durochka", "Antigona"* [Ivan Bunin's four stories: "Rusya", "Beauty", "Little fool", "Antigona"]. *Seriya "Literaturnye napravlenija i techenija. Analiz literaturnogo proizvedenija"* [A set "Literary directions and currents. The analysis of a literary work"]. Saint Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2017, issue 87, 60 p.

5. Bublejnik, L.V. *Kontrast kak tekstoobrazujushhee sredstvo v hudozhestvennoj proze (rasskaz M. Gor'kogo "O pervoj ljubvi")* [Contrast as text-productional means in art prose (the story of M. Bitter "About the first love")]. *Vibrani praci* [Selected works]. Luc'k, Tverdinja Publ., 2013, pp. 446-454.

6. Bunin, I. *Sobranie sochinenij: v 9 t.* [The complete edition: in 9 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1966, vol. 7. *Temnye allei. Rasskazy (1931-1952)* [Dark avenues. Stories (1931-1952)], 399 p.

7. Dolgoplov, L. *O nekotoryh osobennostjah realizma pozdnego Bunina (opyt kommentarija k rasskazu "Chistyj ponedel'nik")* [About some features of recent Bunin's realism (experience of the comment to the story "Pure Monday")]. *Russkaja literatura* [Russian literature], 1973, no. 2, pp. 94-106.

8. *Ivan Bunin: Pro et contra. Antologija* [Ivan Bunin: Pro et contra. The anthology]. B.V. Averin, M.N. Virolajnen, T.M. Dvinjatina (ed.). Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta Publ., 2001, 1001 p.

9. Levin, K. *Teorija polja v social'nyh naukah* [The theory of a field in social sciences]. Saint Petersburg, Sensor Publ., 2000, 368 p.

10. *Gor'kij i russkaja zhurnalistika nachala HH veka. Neizdannaja perepiska* [Bitter and Russian journalism has begun XX centuries. Not published correspondence]. *Literaturnoe nasledstvo* [The literary inheritance]. Moscow, Nauka Publ., 1988, vol. 95, 1079 p.

11. Suhij, I.N. *Russkaja ljubov' v temnyh allejah ("Temnye allei" I. Bunina)* [Russian love in dark avenues ("Dark avenues" by I. Bunin)]. *Serebrjanyj vek russkoj literatury* [The Silver age of the Russian literature]. O.V. Bogdanova (ed.). Saint Petersburg, Fakul'tett filologii i iskusstv Publ., 2009, pp. 171-200.

12. Tolstoj, L. *Sobranie sochinenij: v 20 t.* [The complete edition: in 20 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1960-1965.

13. Festinger, L. *Teorija kognitivnogo dissonansa* [A theory of cognitive dissonance]. Saint Petersburg, Juventa Publ., 345 p.

14. Fedosova, T.V. *Temporal'naja struktura teksta kak komponent idiositilja avtora (na materiale proizvedenij K. Vonneguta i Dzh. Faulza)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Temporal structure of the text as a component of the author's idiosyle (on a material of K. Vonnegut's and J. Fowles' works). Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Barnaul, 2005, 19 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/temporalnaya-struktura-teksta-kak-komponent-idiostilya-avtora> (Accessed 28 September 2016).

15. Lange, A. *Rozmyslania i inne wiersze* [Meditations and other poems]. Warsaw, Państwowy Instytut Wydawnicy Publ., 1979, 256 p.

У статті розкрито концептуальні підходи О. Богданової до оповідання І. Буніна «Чистий понеділок» у «Сучасному погляді на російську літературу XIX – середини XX ст.» (2017), визначено їхню стимулюючу креативність реципієнта роль, що розглядається в контексті сучасного білоруського, польського, російського й українського літературознавства. Охарактеризовано деякі інтенції, які виникли під час мисленого «діалогу» з автором монографії. Увагу зосереджено на новаторських положеннях О. Богданової, яка розглядає конфлікт у бунінському оповіданні як зіткнення різних ментальних хронотопів двох людей, котрі зустрілися на різних стадіях свого духовного розвитку. Проаналізовано семантичну структуру бунінського (міні)циклу, який складається з трьох статей / розділів, що входять до монографії чітко означеними заголовками / кодами, котрі акцентують ключові моменти хронотопу, що дозволяють проникнути до сутності головної ідеї, яка пов'язує чотири (квазі)

фрагментарні тексти в цілісність. Простежено закономірність узяття за гіпертекст оповідання «Чистий понеділок» і трактату-есе «Визволення Толстого», що дозволило дослідниці виявити і висвітлити нові ракурси бачення філософської проблематики, що хвилювала І. Буніна.

Підкреслено закономірність висновку О. Богданової, який одержано нею в результаті розробки магістральної теми: І. Бунін – О. Пушкін: у Буніна виділяються «не пушкінський і не тургенєвський герої, а пушкінський і толстовський».

Ключові слова: когнітивний дисонанс, конфлікт, нарація, темпоральна структура, темпоральна логіка хронотоп.

The article reveals the conceptual approaches of O. Bogdanova to I. Bunin's story "Chisty Ponedelnik" ("Net Monday") in the "Modern View on Russian Literature of the 19th - 20th Centuries" (2017), their role which stimulates creativity of the recipient, that is considered in the context of modern Belarusian, Polish, Russian and Ukrainian literary criticism. Some intentions emerged during the mental "dialogue" with the author of the monograph are characterized. Attention is focused on the innovative provisions of O. Bogdanova, who views the conflict in Bunin's story as a clash of *different mental chronotopes* of two people who met at different stages of their spiritual development. The semantic structure of Bunin (mini) cycle consisting of three articles / chapters included in the monograph, clearly marked with the titles / codes, which accentuate the key moments of the chronotope, allowing to penetrate the essence of the basic idea linking four (quasi) fragmentary texts to the whole one, is analyzed. The regularity of taking the story "Chisty Ponedelnik" and the essay "Osvobozhdeniie Tolstogo" ("The Liberation of Tolstoy") as the hypertext which allowed the researcher to discover and show new perspectives of the vision of the philosophical problem which I. Bunin was interested in, is examined.

The regularity of O. Bogdanova's conclusion, made as a result of developing the main theme *I. Bunin – A. Pushkin*, is emphasized: Bunin stands out "not Pushkin and Turgenev's characters, but Pushkin's and Tolstoy's ones".

Key words: cognitive dissonance, conflict, narration, temporal structure, temporal logic, chronotope.

Одержано 3.12.2016